

Галина ВИШНЕВСКАЯ

ГОГОЛЕВСКИЕ ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ БУЛГАКОВА

Н.В. Гоголь назвал А.С. Пушкина великим национальным поэтом, подчеркнув, что он более всех и далее всех раздвинул границы русского литературного языка. В своей творческой практике Н.В. Гоголь фактически преследовал те же задачи. Он шире, чем А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов, раздвинул границы языка художественной литературы за счет различных средств живой народной речи, которые искал в бесчисленных наречиях русского языка. Под этими наречиями Н.В. Гоголь разумел не столько местные диалекты, сколько различные социально-речевые стили, характерные для крестьян, мелкопоместного дворянства, духовенства, чиновничества и т.д.

Чиновниче-канцелярский язык (по определению К.И. Чуковского «канцелярит») настолько глубоко проник в систему гоголевского стиля, что стал его характерной, неотъемлемой частью.

Канцеляризмы в виде отдельных вкраплений появляются уже в «Вечерах на хуторе близ Диканьки». Постепенно примесь канцелярско-деловой речи становится все значительнее, но лишь «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» можно считать началом этой речевой струи в составе гоголевского языка. Канцелярская речь довольно внушительно представлена в канве петербургских повестей («Портрет», «Невский проспект», «Нос» и др.), но особенно она ощутима в «Ревизоре» и «Мертвых душах». Исследователи отмечали, что «язык «Мертвых душ» испещрен фразеологией и синтаксисом делового, канцелярского и разговорно-чиновничьего диалектов» [1]. «Даже лошади в "Мертвых душах" думают по-чиновничьи, официальными словами и выражениями» [1: 403].

Гоголевские методы разоблачения фальши и лицемерия официально-правительственной, деловой и канцелярской риторики получают дальнейшее развитие в обличительном языке М.Е. Салтыкова-Щедрина. «Гоголевская характерология драматического языка побуждает к поискам новых приемов и принципов для воспроизведения национальных типов и становится объектом подражания и преодоления в творчестве Писемского и Островского». [1, 418].

А оценка творчества Н.В. Гоголя целиком приложима к творчеству М.Булгакова. Верность традициям русской классики – главная особенность его как художника, как писателя-сатирика, и вместе с тем его творчество предстает перед нами как принципиально новое художественное явление.

М.Булгаков неоднократно обращался к наследию Н.В. Гоголя (инсценировка «Мертвых душ», киносценарий по «Ревизору»). Он, как и Н.В. Гоголь, широко пользуется словами, оборотами, специальными конструкциями и даже жанровыми разновидностями официально-деловой речи. В «Похождениях Чичикова», «Дьяволиаде», «Мастере и Маргарите», многих рассказах («Двуликий Чемс», «При исполнении святых обязанностей», «Ревизор с вышибанием» и др.) официально-деловая языковая струя является основным средством сатирического освещения действительности. Как и у Н.В. Гоголя и М.Е. Салтыкова-Щедрина, здесь – множество реальных и вымышленных, пародированных наименований должностей, чинов, учреждений, органов со специальными полномочиями (финдиректор, помощник заместителя младшего делопроизводителя, правозаступник, домовый, комиссия Главцентрбазспимат (Главная Центральная База Спичечных Материалов), главкустпром, учстрахкасса и мн. др.). Сатирический эффект часто достигается путем беспорядочного их нагромождения: «Комиссия построения в комиссию наблюдения, комиссия наблюдения в жилотдел, жилотдел в Наркомздрав, Наркомздрав в Главкустпром, Главкустпром в Наркомпрос, Наркомпрос в Пролеткульт и т. д.».

В «Похождениях Чичикова» М.Булгаков развивает и усовершенствует открытый еще А.С. Пушкиным и активно применяемый Н.В. Гоголем принцип присоединительного сочетания далеких по смыслу слов и фраз. Этот же принцип, подвергнутый разнообразным преобразованиям, находит применение и в других произведениях М.Булгакова – «Дьяволиаде», «Мастере и Маргарите».

Известен гоголевский прием характеристики персонажей путем метафорического сближения их с животными и вещами (Собакевич, Коробочка). М.Булгаков тоже пользуется таким приемом. Например, Кальсонер («Дьяволиада») ассоциируется у него с медным тазом: «Хорошо! – грохнул таз, и судорога свела Короткова...» [2: 2: 18]

Той же цели сатирического изображения действительности служат развернутые сравнения и сопоставления, иногда облеченные в сложную синтаксическую форму ритмического периода. Остроу неожиданностью сопоставляемых предметов и смысловой новизной сближения сравнения М.Булгакова сгущают сатиру, доведенную до гротеска. Таким предстает «неизвестный» в «Дьяволиаде»: низкий рост, квадратное туловище, хромота, искривленные ноги, но «... примечательнее всего была голова. Она представляла собою точную гигантскую модель яйца, посаженного на шею горизонтально и острым концом вперед. Лысой она была тоже как яйцо и настолько блестящей, что на темени у неизвестного, не угасая, горели электрические лампочки» [2: 2, 11].

Конкретно-бытовые сопоставления и сравнения выполняют функцию комического освещения или сатирической оценки явлений, лиц, предметов, раскрытия их реальной сущности (голос Короткова звенит "совершенно как разбитый о каблук альпийский бокал", канцелярские "расселись по столам,

как вороны на телеграфной проволоке", "печатей столько, как на небе звезд").

В целях осмеяния всевластного, подкупного, тунеядствующего бюрократического чиновничества, укоренившегося в советских учреждениях, М.Булгаков прибегает к пародированию деловых документов разных жанров (приказ, распiska, протокол собрания, удостоверение личности и др.). Например, «Приказ № 1, § 1. За недопустимое халатное отношение к своим обязанностям, вызывающее вопиющую путаницу в важных служебных бумагах, а равно и за поведение на службе в безобразном виде разбитого, по видимому в драке, лица, тов. Коротков увольняется с сего 26-го числа, с выдачей ему трамвайных денег по 25-е включительно» [2: 2, 14].

Чаще всего, однако, официальные документы называются словом «бумага» или производным от него «бумажка», что является показателем их истинной цены даже в том случае, если «бумажка» со штампом и с печатями. В глазах Короткова, героя «Дьяволиады», помутнилось, когда он прочел следующее: «Предъявитель сего суть действительно мой помощник т. Василий Павлович Колобков, что действительно верно. Кальсонер» [2: 2, 35]. В данной ситуации Кальсонер напоминает нам судью из "Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем". Увлечшись рассказом о дрозде, и прослушав чтение дела секретарем, судья изумленно воскликнул: «А вы уже прочитали? Представьте, как скоро! Я и не услышал ничего! Да где ж оно? Дайте его сюда: я подпишу». Вспомним также, что именно в этом суде вбежавшая в комнату бурая свинья схватила прошение Ивана Никифоровича, «которое лежало на конце стола, перевесившись листами вниз» [3: 2, 223].

Б.Вахтин в работе «Булгаков и Гоголь: материалы к теме» отмечал, что М.Булгаков – это тот художник, который перебросил мост из литературы XIX века в литературу сегодняшнюю. Генетическое родство булгаковского Короткова с персонажами повестей Н.В. Гоголя неоспоримо. Перед нами герой, сформированный при участии героев «Невского проспекта» (Пискарёва), «Шинели», «Записок сумасшедшего». Критики отмечали и композиционное сходство «Дьяволиады» с «Невским проспектом».

Влияние Н.В. Гоголя особенно остро чувствуется в «Похождениях Чичикова», одном из первых послереволюционных сатирических произведений (1922 г.), на страницах которого описываются гоголевские герои – Чичиков, Собакевич, Ноздрев, Коробочка, Ляпкин-Тяпкин, Селифан, жена Манилова, Держиморда на пожарной трубе, Добчинский, Неуважай-Корыго, знаменитая Елизавета Воробей, Кувшинное Рыло и многие другие. Писатель изображает их приспособившимися к жизни в красной столице.

Употребив используемый в художественной практике приемом заимствования имен героев из хорошо известного читателю текста, принадлежащего другому, историческому времени, М.Булгаков достигает поразительных результатов: нарисованные им отдельными скупыми

мазками образы как бы перенимают на себя ту информацию, которую писатель позаимствовал о них у Н.В. Гоголя. О Коробочке, например, М.Булгаков сообщает нам немного: «Помещица Коробочка, услышав, что теперь в Москве «все» разрешено, пожелала недвижимостью приобрести», и Чичиков «продал ей Манеж, что против Университета» [2: 2, 235], где она собиралась открыть булочную. Тем не менее, Коробочку мы воспринимаем как законченный полнокровный образ, приплюсовывая к тому, что сказано о Коробочке у М.Булгакова, все то, что рассказал нам о ней Н.В. Гоголь.

То же можно сказать и о Ноздре. Встретившему его как-то Чичикову он первым делом сообщил, что «уже продал и цепочку и часы», на лотерее «выиграл полфунта постного масла, ламповое стекло и подметки на детские ботинки, но как ему потом не повезло и он, канальство, еще своих шестьсот миллионов доложил» [2: 2: 254-255].

Есть еще упоминание о «настоящих кавказских кинжалах» с надписью «Мастер Савелий Сибиряков». Эта скудная информация фактически не нуждается в расширении, поскольку читатель хорошо помнит и псарню Ноздрева, и его умение попадать во всякие «истории» и пр.

Реминисценции гоголевских произведений у М.Булгакова разнообразны. Это не только общие собственные имена героев, но и лексические средства, многие выражения, детали сюжета, например; скалдырники, мошенники, бараний бок с кашей, ободрать живого кота; город, от которого три года никуда не доскачешь; разметать какой-то забор; поставить вежи; гостиница с тараканами и пр. Все это дает возможность автору соединить две эпохи, расширить временные рамки произведения, показать живучесть и неистребимость мошенничества, страсти к приобретательству, бюрократизм, головотяпство, формализм.

Анализируя язык гоголевского Чичикова, В.В. Виноградов обращает внимание на «процесс принорования чичиковского языка к стилю собеседника». Например, в разговоре с Маниловым «Чичиков придерживается тематики и норм сентиментального стиля» [5: 304]. Булгаковский Чичиков почти не говорит. Вначале он осторожно изучает обстановку, оглядывается, шушукается, боится, чтоб не узнали, что он за сокровище, и видит: «куда ни плюнь, свой сидит».

Пользуясь гоголевским приемом гротеска, М.Булгаков показывает головокружительные масштабы мошеннических операций Чичикова: «Баранов в двойных тулупах водил через границу, а под тулупами брабантские кружева, бриллианты возил в колесах, дышлах, в ушах и невесть в каких местах. И в самом скором времени очутилось у него около пятисот апельсинов капиталу». А далее карьера Чичикова «приняла головокружительный характер». Он «основал трест для выделки железа из опилок и тоже ссуду получил. Вошел пайщиком в огромный кооператив и всю Москву накормил колбасой из дохлого мяса», продал Коробочке Манеж, взял подряд на электрификацию города, от которого в три года никуда не доскачешь..., а насчет денег, опущенных на электрификацию,

написал, что их у него отняли банды капитана Копейкина», «снял в аренду несуществующее предприятие» [2: 2, 283, 285].

Все это авторский вымысел, литературный прием, основанный на сознательном гротескном преувеличении, достигающем необычных размеров. И глубоко прав был А.С. Пушкин, который в рецензии на стихотворения В.Теплякова, размышляя о литературных заимствованиях, в 1836 году писал: «Подражание не есть постыдное похищение – признание умственной скудости, но благородная надежда на свои собственные силы, надежда открыть новые миры, стремясь по следам гения», т. е. по существу речь идет не о подражании, а о продолжении и развитии художественных достижений и открытий предшественников. Идя по следам Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина, М.Булгаков действительно сумел открыть «новые миры», через завесу времени заглянуть в сегодняшний день и увидеть гоголевских героев сегодня – мошенников новой формации, одного из которых, по воле случая, тоже зовут, как и Чичикова, Павлом Ивановичем. Поразительно злободневны слова М.Булгакова: «Дали Павлу Ивановичу анкетный лист в аршин длины и на нем сто вопросов самых каверзных: откуда, куда да где был и почему?» [2: 2, 231] Но Павел Иванович предпочел на вопросы не отвечать и укапил в известном направлении.

1. Вахтин Б. Булгаков и Гоголь: материалы к теме // М.А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени. – М., 1988.
2. Булгаков М.А. Собрание сочинений: В 5 т. – М., 1989.
3. Гоголь Н.В. Собрание сочинений: В 8 т. – М., 1984.
4. Виноградов В.В. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. – М., 1990.